

Н. А. Добролюбов. Литературная критика

М., ГИХЛ, 1961

[OCR Бычков М. Н.](#)

Повести г. Плещеева печатались во всех наших лучших журналах и были прочитываемы в свое время. Потом о них забывали. Толков и споров повести его никогда не возбуждали ни в публике, ни в литературной критике: никто их не хвалил особенно, но и не бранил никто. Большею частью повесть прочитывали и оставались довольны; тем дело и кончалось...

Указанный нами весьма достоверный факт говорит, конечно, не в пользу особенной оригинальности и яркости таланта автора, да и сам он, очевидно, не претендует на эти качества. Следовательно, и мы можем уволить себя от скучнейших эстетических рассуждений о достоинствах и недостатках собственно литературного таланта г. Плещеева. Мы это делали не раз и при обозрении литературной деятельности других писателей; но за иных на нас вскидывались приверженцы "вечных" красот искусства, полагающие, что о произведениях, например, гг. Тургенева или Майкова нельзя рассуждать иначе как прикидывая к ним шекспировскую и дантовскую мерку. За г. Плещеева никто, кажется, не подымется на нас: всякий понимает, что смешно, говоря об обыкновенных журнальных рассказах, становиться на ходули и, спотыкаясь на каждом слове, важно возвещать автору и читателям сбивчивые принципы доморощенной эстетики. Мы полагаем, что этот беззубый прием неприличен также и при разборе повести г-жи Кохановской, "Первой любви" Тургенева, "Тысячи душ" г. Писемского и т. п. Но есть господа, слишком уже погрузившиеся в патристическую эстетику и полагающие, что произведениям наших лучших талантов можно приписывать великое значение с той же самой точки зрения, с какой поставляются на удивление векам творения Гомера и Шекспира. При всем уважении к нашим первостепенным талантам мы не считаем удобным рассматривать их с такой точки, и потому, при разборе русских повестей, стихотворений и пр., мы всегда старались указывать не на "вечное и абсолютное", навеки нерушимое художество их, а на тот прямой смысл, который имеют они для нас, для нашего общества и времени. Сочинить брошюрку о том, что эпос Гомера воскрес в усовершенствованном виде в "Мертвых душах"¹, провозгласить Лермонтова Байроном², поставить Островского выше Шекспира³ -- это все не новость в русской литературе. Да еще и не то бывало: теперь, вероятно, уже никто не помнит, кто у нас писал исторические романы лучше Вальтера Скотта⁴, кто у нас приравнялся к Гете, чьи чухончики гречанок Байрона милей⁵, кто в России воскресил Корнеля гений величавый⁶, кто на снегах возрастил Феокритовы нежные розы⁷ и пр., и пр. А все это было провозглашаемо в русской литературе и даже возбуждало споры и толки. Теперь по возможности стараются удерживаться от такой смешной игры в имена, но сущность современных эстетических рассуждений о "вечных, общечеловеческих, мировых" достоинствах наших писателей постоянно напоминает нам наивность старинных восклицаний о российских Гомерах и наших родных Байронах...

Так как о великом мировом значении таланта г. Плещеева никто не думает, то мы, значит, можем быть спокойны, отстраняя от себя эстетический суд над ним и обращаясь к вопросу, который нас интересует гораздо более, именно -- к характеру содержания его произведений. Г. Плещеев написал довольно много: перед нами лежат два томика, в них восемь повестей; да тут еще нет "Папироски" и "Дружеских советов", напечатанных им в 1848 и 1849 гг.⁸, да нет "Пашинцева" ("Русский вестник", 1859 г., No 21--23), "Двух карьер" ("Современник", 1859 г., No 12) и "Призвания" ("Светоч", 1860 г., No 1--2),-- трех больших повестей, напечатанных им уже после издания его книжек. Из них тоже могло бы составиться почти таких же два томика. Все это было прочитано без неудовольствия, некоторое время занимало собою известную часть русской публики, наравне с произведениями других беллетристов, не заслуживших подозрения в гениальности. Что же, сказалось ли что-нибудь в этой массе печатной бумаги, имеет ли этот десяток больших и малых повестей какое-нибудь отношение к тому, что занимает теперь наше общественное внимание? Или это повести просто для упражнения в процессе чтения, вроде произведений гг. Каменского, Воскресенского, Вонлярлярского и некоторых новейших, имена которых могут быть небезызвестны отчасти и читателям "Современника"?..- Нам приятно на этот вопрос отвечать, что рассказы г. Плещеева никак не могут быть отнесены к последнему разряду. Элемент общественный